

Об авторе: Лункин Роман Николаевич, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества ИЕ РАН, заместитель главного редактора журнала «Современная Европа».

Роман Лункин

Религиозный фактор в европейской политике

Религия стала значительным явлением в европейской жизни в сложный период миграционного кризиса и кризиса европейской идентичности. Ослабленные предыдущей борьбой за выживание религиозные институты и их лидеры потеряли то влияние на общество и политику, которым они обладали еще в начале XX века. Светским политикам и экспертам часто сложно представить, что религия может играть самостоятельную роль в условиях глобального мировоззренческого плюрализма, потребительской культуры, разочарования общества в церковных институтах как источниках сакральной силы для повседневной жизни.

Социолог Дмитрий Фурман в своей работе «Религия и социальные конфликты в США» (М., 1981. С.9) так описал всю неоднозначность того, что происходит с религией в обществе, где не победила ни секуляризация, ни десекуляризация: «глубинный, сущностный процесс секуляризации на поверхности выступает в разных формах: и полного вытеснения мифа из определенных сфер жизни, и трансформации мифов, и смены одних мифов другими, менее явными и более рациональными. Поэтому исследователь должен быть очень осторожен и стремиться не путать глубинный процесс секуляризации с его внешними проявлениями. Так, падение цифр статистики, характеризующей религиозные верования и действия, не обязательно означает секуляризацию — оно может означать и вытеснение данной религиозной мифологии какой-то другой мифологией. Равным образом устойчивость религиозных мифологических символов, постоянство и даже рост цифр религиозной статистики не обязательно означают отсутствие секуляризации — секуляризация может происходить в скрытой форме, за счет переосмысления религиозных символов, не затрагивая до поры до времени их внешней формы».

Тем не менее религиозная риторика стала фактором в рамках партийно-политических дискуссий и в дискуссиях вокруг судьбы Европы. Причина этого в том, что церкви и околоцерковные организации стали частью демократического процесса, представления о религиозности вышли за пределы приходов и религиозной практики. Сетевая религиозность, социальная религиозность, гражданская религиозность становятся основанием более широкого представления об идентичности и о традиционных ценностях. Об этом ярко свидетельствует исследование американского Pew Research Center, проведенное в 2017 году «Религиозная аффилиация и национальная принадлежность в странах Центральной и Восточной Европы» (см.: [Презентация проекта Pew Research Center в ИЕ РАН](#)).

Моральным основанием для участия, прежде всего, христианских церквей в конструировании новой идентичности европейского континента стал целый ряд ключевых тенденций развития религиозной жизни в конце XX-XXI века: восприятие церквями демократических ценностей, формирование сетевой структуры, адаптированной к новому информационному обществу, готовность (реальная или потенциальная) к активной социальной работе.

Церковь стояла у истоков создания единой Европы. Роберт Шуман полагал, что европейская унификация не сможет состояться без «вдохновения, исходящего из её

христианских истоков», а Европа является «воплощением универсальной демократии, в христианском смысле этого слова». Пий XII, поддерживая создание Европейского Сообщества, видел в этом «историческую миссию христианской Европы».

Различные христианские церкви отстаивают ценность европейского единства, основанного на христианских принципах. Однако отношение к Евросоюзу и к бюрократическому единству может быть разным. К примеру, в Великобритании Англиканская и Католическая церкви были против брекзита, тогда как евангельские протестантские церкви американского происхождения были за брекзит, так как видели в руководстве Евросоюза не символ единства, а символ попрания библейской морали со стороны элиты.

Церкви принимали активное участие в борьбе вокруг текста Конституционного договора и Лиссабонского договора ЕС. К примеру, атеистические группы требовали удаления из Конституции статьи 51 о «Статусе церквей и неконфессиональных организаций», которая признавала вклад церквей в европейскую идентичность. Несмотря на то, что католикам, православным и протестантам не удалось ввести в преамбулу сначала Конституции, а потом и Лиссабонского договора отсылку к христианскому наследию, им удалось сохранить особое положение церквей.

Договор о функционировании ЕС (вступил в силу в 2009 г.), статья 17 (бывшая статья 16 С) гласит:

- «1. Союз соблюдает и не посягает на статус, которым пользуются согласно национальному праву церкви и религиозные ассоциации или общины в государствах-членах.
2. Союз также соблюдает статус, которым пользуются согласно национальному праву философские и неконфессиональные организации.
3. Признавая их самобытность и их специфический вклад, Союз поддерживает открытый, прозрачный и регулярный диалог с этими церквями и организациями».

Между тем, надеждам представителей церквей на структурирование диалога с Евросоюзом на высшем уровне и на привлечение их к работе органов власти ЕС не сбылись.

В рамках миграционного кризиса европейское христианство стало в целом политическим фактором, который сдерживает ксенофобскую антимигрантскую риторику. За некоторым исключением – в лице польских и венгерских епископов, осуждающих позицию папы Франциска, церковные служители выступают за интеграцию иммигрантов и людей разных национальностей в ЕС, а также за диалог с исламом.

Церкви (Католическая и Православная, протестантские деноминации) оказывают влияние на отношение к мигрантам, проявляя к ним милосердие, несмотря на враждебность.

Парадокс, но наряду с этим нельзя не признать, что христианская составляющая как политический фактор есть и в правых партиях, которые обычно обвиняют в радикальных ксенофобских требованиях. Это и польская «Право и справедливость», и немецкая «Альтернатива для Германии», и венгерская «Фидес». С одной стороны, ксенофобская составляющая этих партий и «правый популизм» значительно преувеличиваются либеральной политкорректной элитой, с другой стороны для верующих правый популизм стал фактически единственной возможностью в рамках существующей политической системы для проявления своих убеждений, а именно: заявления о своей уникальной национально-культурной идентичности (мобилизация идентичности), право на религиозные предпочтения в ущерб политкорректности, моральная программа.

Потенциал церквей показывает их участие в гражданской мобилизации – такие ситуации складывались в Польше в 1980-е годы, церкви принимали деятельное участие в бархатных и оранжевых революциях на постсоветском пространстве, христианские организации стали сильным политическим фактором в российско-украинском кризисе (поддержка революции достоинства против коррупции и авторитаризма в любой его форме, межправославный конфликт). Все это лучше всего показывает, что участие церквей в социально-политической деятельности переносит центр тяжести с церковно-приходских форм деятельности на общественные, околицерковные. Формируется совершенно новое поле приложения религиозных сил, неожиданное (и априори воспринимаемое как угроза) для секулярного общества и для власти (как христианские фундаменталисты и мусульманские активисты в России (православные сообщества), в республиках бывшего СССР, в странах Евросоюза).

Международные отношения стали в сложившейся ситуации традиционным полем деятельности религиозных лидеров. Церкви привлекают внимание к гонимым христианам на Ближнем Востоке, в Африке, оказывая влияние на повестку дня ведущих светских дипломатов в мире. В отличие от предыдущих эпох ключом к энергичному участию христианских лидеров во внешней политике стало немыслимое ранее распространение принципов религиозной свободы – вслед за протестантами, это стали делать католики, а затем и православные.

Роль ислама, мусульман, исламских организаций оттеняет историческую роль христианских церквей, их привычку перерабатывать европейские народы и институты, а также показывает, насколько сложно увидеть стороннему наблюдателю религию в качестве самостоятельного игрока в политике. Религия в рамках секуляризованного политкорректного общества воспринимается как нечто неуловимое и как то, без чего можно обойтись. Это не только обидно, но и оскорбительно для многих мусульман, которые обладают такой же разветвленной сетевой гражданской структурой в Европе как и протестанты или католики, но не имеют интеллектуального опыта адаптации к европейской демократии. В силу этого в мусульманской среде политическая амбивалентность проявляется в более острой форме – часть исламских структур выбирает диалог и призывает к интеграции, часть видит выход в том, чтобы враждебную политкорректность уничтожить с помощью фундаменталистских требований, доходящих до экстремизма. Но как и в христианской среде осуждение «правых» или фундаменталистов лидерами не приводит к тому, что верующие от них отворачиваются, наоборот, фундаментализм становится рычагом для партийно-политической или полуподпольной борьбы с элитой и мировоззрением, которое предлагают обществу в ответ на контрсекуляризацию обойтись без религии вообще.